

Предсказание императора, как и следовало ожидать, оказалось верным. Хотя их и одарили должностями, золотом, шёлком и огромным поместьем, создавая видимость процветания, словно они могли немедленно вступить в должность и наслаждаться жизнью фаворитов, на самом деле всё было иначе. Евнух, передав указ, тут же сообщил устное повеление Сына Неба: им надлежало «временно отдохнуть» в парке Шанлинь и поправить здоровье, прежде чем приступать к делам.

Почему «отдохнуть»? Неизвестно. Как долго «отдыхать»? Тоже неизвестно. Даже когда хоу Чанпин осторожно попросил разрешения вернуться в свою лавку — прошлой ночью их в сопровождении императорской стражи в спешке доставили в парк, и они даже не успели прибраться, — евнух вежливо, но твёрдо отказал. Он пообещал лишь, что все товары будут выкуплены казной, и новый любимец государя не понесёт ни малейшего убытка.

— Впрочем, зачем господину беспокоиться о таких мелочах? — увещевал евнух. — Стоит лишь следовать воле Сына Неба, и высшие чины с богатствами будут у ваших ног, не говоря уже о какой-то там ткани!

Хоу Чанпина больше ничего не сказал. Намерения правителя были ясны как день — это был самый настоящий домашний арест. Парк Шанлинь занимал огромную территорию, и несколько человек, брошенных в него, были словно песчинки в море, лишённые малейшей возможности связаться с внешним миром. В прошлой жизни генерал Вэй, занимая высокий пост, не раз видел, как государь использовал этот метод «мягкого ножа», чтобы расправиться с неугодными вельможами, сохраняя при этом видимость приличия... Но какой смысл был применять такие ухищрения к нескольким безродным заклинателям?

Только что осыпанный неслыханными милостями фаворит тут же оказывается под тайным арестом. Такой резкий поворот бил не по подданным, а по лицу самого императора!

Разумеется, подобные сомнения нельзя было высказывать вслух. Поэтому хоу Чанпин молча отступил на шаг.

Евнух, передав волю государя, жестом велел слугам внести дары. Каждый раз, когда приближённые приносили указы, они непременно доставляли и подношения, никогда не являясь с пустыми руками. Такая щедрость, граничащая с расточительством, могла сравниться разве что с милостями, которые получала императрица Вэй после рождения наследного принца. Но тогда она родила единственного наследника престола, чем значительно укрепила стабильность в государстве, и никакие награды не казались чрезмерными. А сейчас эти несколько заклинателей... Увы, только строгий приказ Лю Чэ о сохранении тайны спасал канцлера и Девять великих министров от нового приступа потрясения.

Посланник был чрезвычайно сдержан и, передав указ, немедленно удалился. Как только вокруг воцарилась тишина, Му Ци наконец поднял голову. Все те четверть часа, что зачитывали указ, он был вынужден неотрывно смотреть на камни под ногами, чтобы не выдать

своего истинного отношения к происходящему.

Награды последних дней были слишком многочисленны и щедры, настолько, что самому юноше становилось не по себе. Незаслуженная милость всегда вызывает тревогу, а когда она достигает определённого предела, в голову начинают лезть нехорошие мысли — например, о некоторых наследственных пристрастиях рода Лю. И каждый раз, когда Му Ци думал об этом, у него волосы вставали дыбом.

«Нет, не может быть...»

Му Ци огляделся по сторонам и понизил голос:

— А Ваше Величество не скупится на щедроты!

«Ваше Величество, вы-то чего добиваетесь?»

Император хмыкнул, не обратив внимания на язвительный тон. Он медленно шагнул вперёд, провожая взглядом удаляющуюся повозку. Постояв так некоторое время, он наконец спокойно произнёс:

— Такая щедрость, разумеется, означает, что у него на тебя есть виды.

— На меня? — Бровь Му Ци дёрнулась. — Какие ещё виды?

— Несколько дней назад я и сам не был уверен, но в последнее время «он» так часто осыпает тебя дарами, что по ним можно кое-что понять...

Лю Чэ медленно подошёл к аккуратно расставленным сундукам и стал осматривать их содержимое: золото, шёлк, драгоценные камни, изящные лаковые изделия и разнообразные редкие яства на серебряных и нефритовых блюдах. Хотя они и находились под домашним арестом, обращались с ними как с самыми дорогими гостями. Посланник специально прислал им слуг и поваров, и каждый день им подавали еду по нормам, установленным для девяти великих министров, что называлось «пожалованием трапезы».

Это была неслыханная милость, честь, которую можно было вписать в родословную. Однако вряд ли кто-то из присутствующих был в восторге. Императору изысканная пища была привычна, и еда по нормам чиновников для него была сродни пытке. Хоу Чанпин и хоу Гуаньцзюнь тоже повидали на своём веку немало. Что же до Му Ци... вы бы стали есть мясо диких животных, не прошедшее антипаразитарной обработки, в котором после пары укусов можно было обнаружить останки ленточных червей?

Он от голода похудел!

Император небрежно окинул взглядом разнообразные деликатесы и остановился перед блюдом с жареным гусем.

— Согласно придворному этикету, пожалование гусяного мяса — это очень необычный политический сигнал. Похоже, «он» собирается нанести решительный удар по одному из высших сановников.

— По кому же?

— Скорее всего, он собирается сместить канцлера, — сказал Лю Чэ. — Сюэ Цзэ, хоу Пинци.

Му Ци растерялся и с трудом извлёк из памяти, насколько пополненной перед путешествием, сведения об этом человеке. Потомок заслуженного сановника, честный и скромный, без особых талантов. Он занял высокий пост благодаря своему происхождению и выслуге лет, но на деле был лишь номинальной фигурой, не имевшей реальной власти. За время службы он ничем не отличился и был настолько незаметен, что даже юноша едва его помнил. Но, поразмыслив, он обнаружил несоответствие.

— Судя по историческим записям, этот хоу Пинци продержался на посту целых восемь лет. Сейчас только четвёртый год эры Юаньшо, то есть он пробыл канцлером меньше шести лет. Почему «вы» уже собираетесь его смещать?

— Дело не во времени, — ответил император. — Он занимал должность столько лет не потому, что совершил что-то выдающееся, а потому, что у меня не было ни подходящего момента, ни повода для его смещения. Теперь же, когда все условия созрели, тянуть дальше нельзя...

— Момента? — с любопытством спросил Му Ци. — Какого момента?

Лю Чэ на мгновение замаялся. С точки зрения субординации, ему не следовало бы обсуждать с подчинённым столь сокровенные тайны власти. Но в конце концов... увы, они были товарищами по несчастью, пережившими вместе тяготы Преисподней. К тому же, теперь, когда бывшее величие было утрачено, цепляться за старые интриги означало лишь давать повод для насмешек — особенно со стороны этого Му! Так к чему всё это?

При этой мысли, видя, что Вэй Цин уже незаметно поднялся, намереваясь удалиться, он всё же заговорил:

— Из-за тебя.

Му Ци указал на себя пальцем, крайне удивлённый.

— Из-за меня?

— Да, из-за тебя, — коротко ответил Лю Чэ. — Ты должен понять, что у «меня» на самом деле нет никакой неприязни к хоу Пинцзи. Он очень честен, никогда не нарушает правил. Он мне всегда нравился.

— Это правда, иначе его, вероятно, давно бы уже разрубили пополам на рынке, — задумчиво произнёс Му Ци. Лица обоих генералов на мгновение окаменели. — Но если Вашему Величеству нравятся такие люди, зачем же его смещать? И какое отношение к этому имею я?

— Потому что он слишком бесполезен.

Хоу Чанпин, застигнутый врасплох, смутился, не зная, как реагировать на столь резкую оценку коллеги. Юноша же продолжал допытываться:

— Бесполезен? Этими словами Ваше Величество, кажется, ставите под сомнение саму правомерность назначения Сюэ Цзэ. Но разве не вы сами в своё время утвердили его на этом посту?

— То было тогда, — сказал император. — Четыре года назад его способности, хоть и скромные, соответствовали положению. Война с сюнну ещё не разгорелась в полную силу, обстановка при дворе была спокойной. Назначение на пост канцлера человека с подходящим происхождением было мудрым решением для поддержания стабильности.

Он сделал паузу и продолжил:

— Но сейчас, после нескольких крупных побед над сюнну, необходимо развивать успех. Держать на посту человека, который годится лишь для успокоения умов, уже нецелесообразно. Конечно, это превзошло мои ожидания, поэтому и пришлось срочно менять его.

Пять лет назад, назначая Сюэ Цзэ, Лю Чэ стремился к стабильности и не планировал резких перемен. Он ожидал, что ближайшие годы пройдут спокойно. Однако ситуация изменилась гораздо быстрее, чем он предполагал. И причиной тому были блестящие победы генерала Вэя. Особенно после позапрошлогоднего отвоевания излучины Хуанхэ баланс сил резко изменился, и то, что казалось далёкой перспективой — решающая битва, — внезапно забрезжило на горизонте!

Нельзя было упускать такой шанс. Сын Неба должен был действовать решительно, мобилизуя ресурсы для грядущей войны. И канцлер, годный лишь для поддержания морального духа, был совершенно не к месту.

Так что, если разобраться, хоу Пинцзи лишился своего поста из-за великого маршала Вэя.

Генерал Вэй, стоявший рядом с Хо Цюйбином, слегка опустил голову. Но государь не обратил на него внимания:

— Это также для блага самого Сюэ Цзэ. Война — великое дело государства. Если канцлер и Девять великих министров допустят промедление, это может привести к истреблению всего их рода. Такое рискованное дело лучше доверить осторожному Гунсунь Хуну.

Следующий кандидат на должность, Гунсунь Хун, возможно, и не обрадовался бы такой оценке, но решение Лю Чэ было непреклонно. Но Му Ци почувствовал неладное:

— Если вы хотите сменить канцлера, то просто сделайте это. При чём здесь я?

Император на мгновение замолчал.

— Потому что я не очень-то люблю конфуцианцев.

Хоу Чанпин: «???!!»

Хоу Гуаньцзюнь: «???!!»

Му Ци: «???!!!»

Эта фраза прозвучала оглушительнее грома и повергла всех присутствующих в шок!

Оба генерала были свидетелями того, как император привечал учёных мужей, а Му Ци вырос на историях о том, как Лю Чэ «отверг сто школ и возвысил лишь конфуцианство». И теперь сам правитель заявлял, что «не любит их»! Это было невероятнее, чем если бы солнце взошло на западе.

«Постойте, вы не любите конфуцианцев, но назначаете Гунсунь Хуна канцлером? Это что, стиснув зубы, терпеть ненавистное? У вас что, вода из Хуанхэ в голове?»

Человек, десятилетиями покровительствовавший этой школе, вдруг заявляет о нелюбви. Что дальше? Скажет Вэй Цину и Хо Цюйбину, что их возвышение было ошибкой, и на самом деле он их тайно ненавидел?

«Да он с ума сошёл!»

Му Ци ошеломлённо молчал. Он с трудом сглотнул и заставил свой мозг работать:

— Вы... вы ведь покровительствовали школе Гунъян...

— Я покровительствовал идеям школы Гунъян, — помог ему император. — Да, твои познания в истории весьма основательны.

— Так почему же...

— Почему? Ты ведь знаешь, в чём заключаются их идеи?

— Ну... — Му Ци внезапно запнулся.

Он, конечно, знал. Благодаря популярности императора У-ди, школа Гунъян стала знаменитой. Если вкратце, её главными теориями были «великое объединение» — инструмент для укрепления централизованной власти; «великое возмездие» — идеологическая основа для войны с сунну; и учение о Небесном мандате. Позднейшие исследователи пришли к выводу: это была «контрабанда», которую последователи протащили в своё учение.

Вкратце: Небесный мандат не вечен. Династия Лю обречена на падение, и тогда они — великие конфуцианцы — примут наследие Хань и создадут идеальное государство.

Династия Хань падёт, конфуцианство восторжествует. Такова была их сокровенная цель, тайное политическое устремление. Иными словами, последователи, казавшиеся сторонниками власти, на самом деле были скрытыми диссидентами.

— Ваше Величество знали, чего они добиваются? — спросил Му Ци.

— В то время «я», конечно, не знал всех тонкостей, — покачал головой император. — Но за многие годы, изучая их учение, «я» всё больше убеждался, что что-то здесь не так. Мне всегда казалось, что за внешней благопристойностью у них скрывается огромная опасность.

— Но вы всё же использовали их.

— Потому что при дворе больше не на кого было опереться.

Это было настолько честное признание, что собеседник не нашёлся, что ответить. Он понимал безысходность, стоявшую за этими словами. Тот, кто затевает великие дела, должен искать союзников. А тех, кто способен сотрудничать, так мало, что выбирать не приходится. Откажись

император от двуличных конфуцианцев, и кто бы у него остался? Родственники, которые были сборищем бездарей? Или прогневшие потомки основателей?

Учёные мужи, по крайней мере, могли помочь с идеологией и наладить работу аппарата.

— Конечно, я всегда пытался создать систему сдержек и противовесов, — откровенно признался император. — Легисты, приверженцы учения Хуан-Лао — всех я привлекал ко двору. Но главным противовесом всегда были заклинатели.

— Почему именно заклинатели?

— Потому что они прекрасно разбираются в ритуалах и могут на равных спорить с конфуцианцами, — сказал Лю Чэ. — При составлении ритуала жертвоприношений только предложения заклинателей смогли перевесить доводы учёных мужей.

— И что с того...

Му Ци не договорил, внезапно осознав. Политическая логика династии Хань кардинально отличалась от той, что будет через две тысячи лет. Тогда двор был миром мистики. Величайшими делами государства были война и жертвоприношения. Тот, кто разбирался в ритуалах, обладал огромным преимуществом!

Ханьские конфуцианцы, чтобы обожествить Конфуция, утверждали, что он был «сыном Чёрного императора» и имел брови двенадцати цветов. Чем такое описание лучше сказок о вечной жизни? Если конфуцианцы верили, что их учитель был чем-то вроде волшебницы в матроске, то почему императору нельзя было верить в вознесение на небеса?

Как человек своей эпохи, Лю Чэ, лавируя между двумя учениями, поступал вполне разумно.

Му Ци помолчал и смог лишь сказать:

— Но ваша система сдержек и противовесов провалилась.

— Да, провалилась, — вздохнул император. — Я возвысил Ли Шаовэна и Луань Да, дал им генеральские звания. Помимо поисков бессмертия, я надеялся, что они смогут обуздать конфуцианцев. Но судьба распорядилась иначе. В некотором смысле, бедствие, вызванное колдовством «гу», было следствием провала этой политики.

Это было самое глубокое признание. Если бы не тысячи лет размышлений в Преисподней, государь никогда в жизни не открыл бы эту тайну. Он позволил мистикам вмешиваться в государственные дела, чтобы дать им политический вес против растущей силы конфуцианской партии.

Предупредить беду, принять меры заранее — эта стратегия была весьма зрелой. Но никто не мог предвидеть, что абсурдность заклинателей достигнет таких пределов, что они войдут в историю с позором.

Однако в четвёртом году эры Юаньшо Сын Неба ещё не знал о будущем. Поэтому его покровительство Му Ци имело лишь одну цель...

Юноша широко раскрыл глаза и указал на себя:

— Он выбрал меня, чтобы я стал противовесом конфуцианцам?

Император снова вздохнул:

— Вроде того.

<http://bllate.org/book/16002/1501529>